

Так случилось, что в отпуск я отправилась одна. К морю я приезжала много раз, но всегда с мужем и дочкой. Дочь стала взрослой, отпуск теперь проводила со своей семьёй, а Лёшу не отпустили на работе.

Доехала без происшествий, устроилась в отдельном номере. Сумку не стала разбирать, решила дойти до моря.

Обычно я море как декорацию к общему действию воспринимала: люди загорают, купаются, копошатся. А оно ко всем должно проявить внимание: покачать на волнах, поиграть в догонялки с убегающими от волны карапузами, осторожно лизнуть их за пятки да умудриться при этом не смыть построенные на берегу песчаные замки. И я рядом с морем, но почти не замечая: смотрю, чтобы не опрокинуло волной дочь, чтобы каждый миг виднелась голова мужа, заплывшего за буюк.

Так и получилось, что много раз видела, а первый раз наедине с морем оказалась. Растерялась.

Волна с шумом прибежала, вздыбилась, на миг остановилась, замерла в любопытстве первой встречи, словно раздумывала, достойна ли я внимания. Потом демонстративно громко обрушилась вниз, отвернулась и убежала восвояси в море. Словно в бесконечности своего существования, море утратило интерес к надоевшим непрошеным гостям.

Но волна снова возвратилась, мол, раз ты пришла, то я, море, готово поговорить. Внутрь меня заглянуло: что беспокоит?

Всё тебе рассказать? Мало ли какие вопросы у меня внутри? Это секрет. Я их и себе не озвучиваю. А с тобой мы совсем не знакомы. И вдруг расплакалась, как в детстве от обиды. Но молчу.

Море в ответ слегка заштормило, сердито забурчало, бликами солнечными усмехнулось – никакого понимания между нами.

Но каждый день шла к нему навстречу. Заведено здесь так. А иначе зачем приезжала? Потом начала в одном ритме с ним дышать: вверх поднялась волна – вдох, вниз упала – медленный выдох. Может, так и полюблю море, не с первого взгляда.

Обратные билеты были куплены ещё дома, муж с дочкой звонили регулярно, поэтому совершенно ни о чём серьёзном не думала: солнце, море, ветер.

Последний день отдыха: поезд завтра утром. Собрала вещи, пошла к морю прощаться. На скамейку села, смотрю на волны обманчивые: бегут без конца, а сами с места не трогаются. Слова придумываю, что им сейчас скажу.

Мужчина подошёл и загородил весь вид на море. С кем и как я теперь прощаться стану словами, пока не найденными? Терпеливо жду, а он ни с места. Глаза поднимаю – и не верю самой себе. Сердце часто-часто затрепетало. Толя. Первая любовь моя.

– Таечка, ты?

– Вот это сюрприз!

– А я, дурак, стою столбом и боюсь спросить эту серьёзную женщину, не она ли моя озорная подружка из детства?

– Что, совсем не узнать? Хотя бы притворился, сказал, что мало изменилась.

– Так ты и не изменилась, лишь узнать трудно.

В общем, морю не досталось от меня слов прощальных. Надо же, как совпало: Толя первый день как на отдых приехал, а я последний здесь провожу – пересеклись случайно. Хотя я не верю в такие случайности – подарок судьбы. Решили отметить событие в кафе. Зашли в его номер, чтобы он переоделся, да так и остались там. Нам же не столько застолье надо было, сколько поговорить хотелось. Вспомнили проказы школьной юности.

Заговорили о своей сегодняшней жизни. Непостижимо, столько лет не виделись, а стали друг другу рассказывать такие мелочи, словно нам было необходимо высказать все недавние события, мысли. А всё то, что накопилось за десятки лет, пока мы не виделись, нас не интересовало. Или мы всё это время жили так, словно были друг с другом рядом? Не мысленно, а на подсознании, недоступном даже для нас самих?

Захотелось открыться в мыслях, для других неинтересных, но каждому для себя очень важных, потаённых. Мне казалось, что Толя поймёт меня. Как одиноко чувствую себя в последнее время, когда выросшая дочь стала жить своей семьёй отдельно. И даже встречи с внуком не возвращают ту близость, которую имеешь, живя одной семьёй. Как появилась холодность в отношениях с мужем, которую я приписывала моей болезни. Но даже улучшение в моём здоровье не привело его в нашу спальню. Словно он берёт мой покой. А я устала быть хрустальной вазой, стоящей в комнате напоказ. Нет, о спальне я, конечно, промолчала.

Толя один к морю приехал. С женой развёлся, дети отдельно живут. Он говорил, что вчера не состоялась встреча с партнёром, намечавшаяся по дороге сюда. Что надо быть всегда преуспевающим, тогда каждый на встречу примчится вовремя, а любая неудача в бизнесе отодвигает случайных людей на недоступное расстояние. И что иногда в провальных проектах есть и свои плюсы: удаляют из общения лишних людей.

Сначала с трудом выискивала мельчайшие признаки того Толика, которого любила: вопросительный взгляд с искорками ироничной улыбки, вежливый, чуть насмешливый полупоклон. Когда привыкла к новой внешности, показалось, что совсем он не изменился. В памяти новый образ поселился.

Но больше всего отдаляло старательно скрываемое, но вырывавшееся наружу осознание им своей значимости, того, что состоялся. Вдруг молчание повисло. Неужели мы все запасы красноречия вычерпали? И в тишине почти безразличным голосом:

– Ты ещё любишь меня? Останешься сегодня?

Меня холодом слов заморозило. Тон приглашения совсем не ласковый, даже не романтический. Отвернулся в телевизор. Только сейчас заметила, что тот был включён всё это время. А в уголке Толиного глаза слезу увидела, чуть обозначившуюся, не выкатившуюся.

Ох, слабы мы, женщины, против слёз мужских. Ладонь моя его вечернюю небритость ощутила. Поцелуи непривычны. Уже не вспомнишь, какими они были тогда, первые. И счастье, что радость встречи его со мной искренняя: значит, принял меня сегодняшнюю, не помолодевшую за столько лет.

Казалось, всё на свете забыла... А в постель лечь не смогла. Дура, конечно. Но не смогла. О Лёше подумала. Он в моей жизни единственным мужчиной был.

И чувство неловкости перед Толей. Кто же знал, что так заговоримся?

Уснуть в своём номере долго не могла: совсем незначительные события из прошлого вспоминались. Вдруг подумала, а как моя жизнь сложилась бы, если Толик после школы не уехал бы поступать в военное училище? Были бы с ним вместе? Какой она была бы, эта, другая жизнь?

И не смогла представить: только видела себя, прильнувшую к его груди, слышала торопливое биение сердец, чувствовала лёгкое поглаживание по спине – а вокруг ничего не видно, всё туманом окутано. А что можно рассмотреть о жизни, которой никогда не было и уже не могло быть? Заснула, когда светать стало.

Утром отправилась домой, в привычную жизнь. Не только отдохнувшей, но наполненной новыми ритмами чувств. Случайная встреча с Толей словно подняла мою ценность в собственных глазах, можно сказать, омолодила. Вот Лёша удивится. В зеркало я не смотрелась, но чувствовала, как губы раздвигаются в улыбке. Интересно, не свечусь ли я от радости? А казалось бы, такой пустяк: мимолётное свидание с когда-то любимым человеком.

Телефонный звонок разбудил от сладких снов наяву. Звонила дочь. Голос был встревоженный, тихий.

– Мамочка, ты только не волнуйся. Ты едешь в поезде?

Ничего себе вступление, заволновалась я.

– Еду я, еду. Что там у вас?

– Мамочка, а ты сейчас не одна в купе?

– Не одна. Никто тебя не слышит. Что за секрет ты хочешь рассказать?

– Мамочка, ты не волнуйся. Я тебя очень-очень люблю. Мамочка, папа наш умер.

– Как умер? Когда? Он мне вчера днём звонил. Леночка, как же это?

– У него сердце не выдержало. Он ночью умер. Мамочка, ты себя береги. Я тебя жду.

Дождалась сигналов отбоя. Положила телефон на стол. И вдруг закричала, как исстари бабы на Руси голосят. Рот себе рукой закрыла, крик внутрь затолкала, только хрипела да рыдания сотрясали.

Потом кто-то в белом халате что-то уколол. Соседи по купе принесли чай сладкий.

Я смотрела в окно, ничего там не замечая. Молча. Из глаз текли слёзы. А в голове бегала по кругу и билась в сознании одна и та же мысль: он умер, когда я примеряла на себя другую жизнь, без него? Неужели почувствовал? Это что – я его предала? Только подумала, а его сердце не выдержало? Так не бывает. Мало ли кто и что вообразит. Если бы каждая мысль реализовалась, бардак был бы в мире, пыталась успокоить я свою совесть.

Откуда-то из памяти выплыли бабушкины слова, что нельзя думать о человеке плохо, чтобы не навредить. Так ведь ничего плохого и не думала – на день отвлеклась.

Есть ли разница: сделал что-то в реальности или только подумал? Всю дорогу совесть на своих весах взвешивала: виновата – не виновата? А потом всё замерло, и лишь пульсировало в голове: «Я предала его, предала».

Ночью я спала. Точнее, провалилась куда-то, где не было ни снов, ни мыслей.

Встретили меня с поезда дочь с зятем. Хорошо, что пришли, сил не было на себя, и уж точно не до сумок. Я не смотрела детям в глаза. Почему? Они не могут знать, что я его предала в мыслях. Ни одному человеку это не сказала. Но я-то знаю. Вдруг вина клеймом легла на лицо?

До дома держалась, а там сразу на диван легла. Только ненадолго. Тело мужа в морге. Дочь, пряча глаза, сказала, что надо идти в милицию, а она меня ждала. Ничего не понятно. Какая милиция? Зачем, если сердце не выдержало?

Молодой следователь задавал вопросы о нашей семье, отношениях с мужем. Какая теперь разница, если он умер?

Совесть не дремала, вновь уколола: если бы не поехала в этот отпуск, могла бы лекарство вовремя поднести, и всё обошлось бы. Куда ни глянь, со всех сторон виновата.

Следователь повёл на опознание в морг. Лёшенька мой. Холодно как. Казалось, больше уже сегодня ничего не смогу пережить... Проводил меня в кабинет, усадил на стул, дал стакан с водой, смотрит с сочувствием. Тут и объяснил, почему меня в милиции ждали. Муж умер не в домашней постели. Точнее, в домашней, только не в нашей. Это другая женщина не подала ему вовремя лекарство. Откуда она могла знать, что оно у него всегда при себе? Вряд ли он проблемами здоровья с любовницей делился.

Следователь от меня слёз, истерики, наверное, ждал? А у меня на душе такое облегчение, даже благодарность, что не я его погубила. Сердце, что от собственной вины то лихорадочно скакало, то в комок сжималось – вдруг расслабилось, боль отпустила. Как иначе бы дальше жила?

В душе жалость к нему как к живому. А что он чувствовал? Может, он тоже свою измену переживал, мучился? Так сильно, что сердце не выдержало?

Потом подруга добрая нашлась: рассказала, что длились его романы не один год и женщина была не одна за это время.

Правду мне решила открыть. А зачем мне она, эта правда? Как с ней теперь жить? Как осознать, что мужа с кем-то ещё делила? Не какого-то там теоретического, а Лёшу? Единственного. Которому верила больше, чем себе.

Замерла в молчании, не в силах слова сказать. Чувств не было. Такая женская боль от предательства: и изменил, и умер. Никакого выбора мне не оставил: не могу его уже ни простить, ни наказать. Сам себе и судьёй, и палачом оказался.

Лёшу мы похоронили. Памятник поставили. Ухаживаем за могилой. Цветы следующей весной высажу. Он анютины глазки любил.

Хожу на работу. Дом в порядке содержу. Всё делаю, как положено. Пусто в душе. В мыслях тоже. Жить надо дальше. А как?